

РУССКИЙ АКУТАГАВА

Виталий Молодняков

Задевая речью эту одинокую, особняком ото всех стоящую фигуру, мне не хочется ни помещать ее в синхронный Акутагаве культурный пласт, ни ставить на фоне корешков книг, написанных о Рюноске. Пусть биографы занимаются известными фактами его жизни, литературоведы – его произведениями, философы – его напечатанными на бумаге мыслями. Пусть при этом они либо учитывают исторические реалии, сопутствующие писателю, либо пробуют понять Акутагаву вкупе с его трудами – как такового, не принимая в расчет более ничего. Их труд ценен и достоин уважения. Но сейчас передо мной другая задача: объяснить две вещи...

Первое: Рюноске Акутагава остался неуловим. Как кинематографический ниндзя, мелькнул тенью в ночном палисаднике, совершил задуманное, навел переполох и – исчез. Второе: почему этот японский писатель любим мной, русским писателем. В предисловии к «Словам пигмея» Рюноске Акутагава пишет: «Слова пигмея» не всегда отражают мои мысли. Они лишь позволяют наблюдать за тем, как мысли меняются. Ползучее рас-

тение ветвится от одного корня и к тому же дает еще множество побегов».

Так и хочется мне после этого сказать утвердительно и уверенно: «Всю жизнь он прожил плющом. Вот свидетельства множества корней и “ползучести”»: в младенчестве Акутагаву отдали на усыновление в бездетную семью старшего брата матери; затем Рюноске подрос и, увернувшись от общественной жизни и социальных обязанностей, стал писателем, “обвил” японскую, китайскую, европейскую культуры. Звучит нелепо, но – плющ покончил с собой. Он продолжает и после жизни давать множество побегов в мыслях читателей, но, в отличие от ползучих растений, он не паразитирует, а делится своими соками с другими душами и умами».

Но таким образом я говорю не об Рюноске Акутагаве, а о своих впечатлениях о нем, о его культурном следе. Остается признаться в любви, ибо «Любовь превозмогает всё».

Ваше, о японцы, островное государство еще в моем дальневосточном детстве пленяло принцессами на фантиках жевательных резинок, мультфильмом «Корабль-призрак», начертанием иероглифов. Страшно впоследствии было смотреть в магаданском кинотеатре «Горняк» фильмы «Гибель дракона» и «Легенда

ИЛЛЮСТРАЦИИ: КЭЙКО КОБАЯСИ

о динозавре!» Советскому школьнику 70-х годов было очень важно получить яркое впечатление о возможной хрупкости этого мира, о бессилии цивилизации перед грозным «воинством стихий». Затем подростком, в душе которого уже поселились таинственные ужасы Эдгара По и влетенные в яркую ткань украинского быта волшебные миры Николая Гоголя, я открыл наугад один из двухсот томов Библиотеки всемирной литературы. И уже не оторваться было от прозы Рюноске Акутагавы... Этот писатель позволяет читателю беспрепятственно проникнуть в свои миры (спасибо за это еще и замечательным переводчикам!). Замереть в воротах Расёмон во тьме гражданской разрухи. Посидеть у постели умирающего Басё. Путешествовать вместе с бедолагой гоэй, мечтающем хоть раз в жизни наесться вдосталь багатовой каши, и с его снисходительным и ироничным собеседником. Нырнуть в мир водяных. Услышать, как в парах бани крикливый критик обрушивается на пожилого прозаика... Реальность встает перед глазами неискушенного читателя в нескольких точных и резких чертах – так график передает представление о природе, одежде, архитектуре скупо и точно. Любой человек получает возможность быть соучастником-наблюдателем повествования, не зная дотошно событийного содержа-

Он прежде всего беспристрастный и внимательный наблюдатель, тонкий психолог, человек, склонный сочувствовать и сострадать.

ния той или иной эпохи, истории костюма, оружия, церемоний, этикета. Ведь не это главное у Рюноске Акутагавы. Он прежде всего беспристрастный и внимательный наблюдатель, тонкий психолог, человек, склонный сочувствовать и сострадать. Это роднит его с человеком, воспитанным на русской классической литературе. Ведь в ней придается большее значение движениям души, мировоззрению и духовному пути, чем богатству событиями, жизненному успеху, удачливости или неудачливости героя. Что сейчас произошло? Всего-навсего переключка моих мыслей со следующими словами Акутагавы: «Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и даже скорее на японские читательские слои такое же влияние, как русская. Даже молодежь, не знакомая

с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова... Объяснение этому, как мне думается, следует искать в сходстве характеров русских и японцев...». Есть представление о точной нацеленности художественного слова на определенного адресата. Серебряновековый поэт Иннокентий Анненский как-то раз в Царском Селе разговаривал с другим поэтом, Николаем Гумилевым, о том, что, слагая стихи, можно обращаться к Богу, или к себе, или к людям. Прервав возникшее тут же молчание, Анненский спросил Гумилева: – А к кому обращены Ваши стихотворения? Для кого пишете? – Конечно, для людей! – последовал немедленный ответ. По моему представлению, Акутагава писал именно для человека, читателя, невидимого собеседника. Есть множество звеньев, связывающих японскую и русскую культуры. Узнав о популярности самурайских кодексов в России, японец был бы приятно удивлен. Книжки писателя Рюноске Акутагавы, на мой взгляд, одно из самых удачных и любимых нашими народами явлений искусства художественного слова. Несмотря на разницу в исторических путях и традициях Японии и России, в способе начертания письменных знаков на листе, вопреки разделенности географической и политической, книжки Акутагавы притягивают к себе душу русскоязычного читателя, а это и есть признак подлинного орфеизма в искусстве. Ведь согласно греческой мифологии, когда Орфей пел, к нему сходились львы, сдвигались горы, склонялись ветви деревьев – чтобы послушать. ■

